

К ЭТИМОЛОГИИ ДРЕВНЕПЕРСИДСКИХ ИМЕН Kuruš, Ka^mbujiya, Čišpiš

Посвящается
2500-летию Иранского государства

Древнеперсидские личные имена дошли до нас в значительном количестве как в самих древнеперсидских надписях, так и в вавилонской, эламской, греческой, арамейской, древнееврейской, египетской передаче. Подавляющее большинство этих имен без затруднения разьясняются средствами иранских языков и, стало быть, должны рассматриваться как оригинальные (незаимствованные). Но есть несколько имен, которые не получили до сих пор удовлетворительной иранской этимологии и относительно которых высказывались предположения о неиранском происхождении.

К числу их относятся три имени представителей династии Ахеменидов: *Kuruš*, *Ka^mbujiya*, *Čišpiš*. Мы попытаемся показать, что и для этих имен нет надобности искать объяснения за пределами иранского мира.

Имя *Kuruš* 'Кир' (авил. *Ku-ra-aš*, элам. *Ku-raš*, греч. Κῆρος, др.-евр. *Koreš*) носили три представителя династии Ахеменидов: 1. дед Кира Великого, внук Ахемена, сын Чишпиша, брат Ариарамны (VII в. до н. э.); 2. основатель персидской мировой державы Кир (559—529); 3. сын Дария II Кир Младший, павший в 401 г. до н. э. в битве со своим братом Артаксерксом II при Кунаксе.

Сперва Ф. Андреас, а за ним ряд других авторов — Х. Бартоломэ, Ф. Вейсбах, Г. Г. Шедер, Р. Н. Фрай — высказались предположительно в пользу неиранского характера имени *Kuruš*, поскольку никакой удовлетворительной иранской этимологии для этого имени не было предложено. Мнение, что прославленный основатель персидского государства носил неперсидское имя, прочно утвердилось в науке. С этим мнением солидаризировался и наш известный историк древнего Востока М. А. Дандамаев в своей, вообще говоря, превосходной книге «Иран при первых Ахеменидах» (М., 1963, стр. 103 сл.).

Одним из аргументов в пользу неиранского происхождения имени *Kuruš* выдвигается тот факт, что эламская и вавилонская

форма этого имени отличаются от персидской и звучит *Kuraš*, а не *Kuruš*. Это обстоятельство навело Андреаса и других на предположение, не является ли именно эламская форма оригинальной и исконной, а персидская — заимствованной и искаженной. Однако такое заключение нельзя признать ни формально логичным, ни исторически обоснованным.

Имя одного из сыновей Кира звучало по-персидски *Bardiya*, а в греческой передаче — Σέρδης. Расхождение большое. Но разве это расхождение может быть доводом в пользу иранского характера имени *Bardiya*? Имя дочери Кира греки передавали Ἰταόσα; в персидском же оно должно было звучать **Hutausa* (авест. *Hutaosa*-), буквально 'прекраснобедрая'. Опять серьезное расхождение: персидскому гласному *u* отвечает греч. α (как в соответствии перс. *Kuruš* || элам. *Kuraš*). Тем не менее нет сомнений, что дочь Кира носила персидское, а не греческое или иное имя. Можно было бы привести еще ряд примеров подобных расхождений между формой древнеперсидских имен и их передачей в других языках. Разумеется, эти расхождения заслуживают внимания и каждый раз требуют объяснения. Но они никак не могут быть доводом против иранского характера соответствующих имен.

Ставя под сомнение иранское происхождение имен Чишпиша, Кира и Камбиза, т. е. тех, кто царствовал в Персии до Дария I, приходят к выводу, что персидские цари только начиная с Дария I (*Dārayavauš*) стали получать иранские имена, тогда как имена *Cišpiš*, *Kuruš* и *Kambujiya* являются наследием какого-то доиранского этнического элемента.

Однако для такого предположения нет серьезных оснований. Члены династии Ахеменидов с самого начала, до Кира I и Камбиза I, носили уже чисто иранские имена. Родоначальник династии носил иранское имя Ахеман (*Haxa-maniš*, что значит 'дружественно настроенный'). Брат Кира I, сын Чишпиша, назывался *Ariyāramna*, что значит 'отрада арийцев'.

Другие члены второй ветви Ахеменидов, к которой принадлежал Дарий I, Аршам и Виштаспа, также носили имена, иранский характер которых не вызывает ни малейших сомнений. *Aršāma* является производным от *aršan*- 'герой'; ср. осет. имя *Arsæmæg*. *Vištāspa* относится к многочисленной группе имен, содержащих *aspa*- 'лошадь'.

Выходит, что Ахемениды сначала носили иранские имена, потом по неизвестной причине перешли на эламские (или какие-то другие), потом снова вернулись к иранским. Такое положение вещей лишено всякого правдоподобия.

Нет надобности подчеркивать, что этимология имени *Kuruš* имеет не только лингвистический, но и исторический интерес. Неиранское происхождение этого имени, если бы оно было доказано, поставило бы под сомнение происхождение самого Кира и возродило бы доверие к сообщению Николая Дамаскина, утвер-

ждавшего, со ссылкой на Ктесия, что Кир вообще не был Ахеменидом¹.

В действительности версию Николая Дамаскина, несмотря на авторитет Ктесия, вряд ли можно принимать всерьез. Как уже указывалось, она была скорее всего придумана в кругу преемников Дария, чтобы дискредитировать ветвь Кира и оправдать узурпацию власти Дарием I².

Таким образом в истории Ахеменидов, как и в их ономастике, нет ничего, что делало бы вероятным чужеродное персидское

инук., юк. *ayĩ-*. С другой стороны, небольшое расстояние между языком и нёбом при гласных верхнего подъема и открытость рта при широких гласных напоминают значение, выражаемое словами. Если здесь перед нами «символическое» употребление звуков (расположение органов речи напоминает выражаемую словом идею), естественно ожидать некоторого перевеса слов с широкими гласными среди слов со значением 'большой' и перевеса слов с узкими гласными среди слов со значением 'маленький'. Однако языки не всегда следуют этому естественному символизму (примеры: английские слова *little* 'маленький' и *big* 'большой' оба содержат узкие гласные, а *small* 'маленький' и *large* 'большой' — оба с широкими гласными). Следовательно, главный вопрос — является ли это употребление древним, можно ли проследить его до периода дене-финской общности, а также в какой степени активным было его использование в дене-финском языке. Имеющийся материал позволяет предположить, что уже в дене-финском языке существовало чередование между **k'in* 'маленький' и **ghan* (или **qhar*) 'большой' и что эта модель чередования могла иметь более или менее широкое употребление в других корнях. Это чередование могло быть родственно символизму в обозначении близких и далеких предметов (в указательных местоимениях).

Возможно, что система чередования была трехчленной: *a* — аугментатив или отдаленность, *e* и *o* — нормальная ступень или среднее расстояние, *i* и *u* — диминутив или близость. Судя по некоторым корням, обнаруживающим между собой родство, могла быть также какая-то модель перехода от *i* к *u* и от *e* к *o*, но характер этой модели пока не определен.

Есть следы чередования согласных. Это чередования двух типов: условно назовем их «глоттальными» и «оральными». Оба типа чередований связаны с аугментативно-диминутивным символизмом. Они встречаются вместе с чередованием гласных, а иногда — независимо от него. Чередования согласных активно используются в чинукском и в некоторых других американских языках, да и в прочих языках Америки есть их явные следы. Можно найти примеры такого чередования и в индоевропейских языках: аугментативное **gh* в нем. *groß*, англ. *great*, *grow*, противопоставленные диминутивному **g* в нем. *klein* и англ. *child*. «Оральное» чередование дало следующие триады (нормальная ступень — аугментатив — диминутив): *n r l, š ś s, t č c, q q k, q^w q^w k^w, h h'*.

В последних трех триадах нормальная и аугментативная ступени идентичны (насколько мы можем реконструировать фонемы). «Глоттальные» чередования содержат также три ступени: нормальные, придыхательные и глоттализированные согласные. Например, в ряду переднеязычных — *t th t'*, и так в каждом ряду (соответствующая схема в индоевропейском —

*t *dh *d). Обе системы чередований пересекались, возникал усиленный или ослабленный символизм. Так, в ряду переднеязычных согласных *čh* — полный аугментатив, *c'* — полный диминутив; умеренные аугментативы — *th* и *č*, умеренные диминутивы — *t'* и *c*. Но можно было использовать и *č'* для обозначения диминутивизированного аугментатива, а *ch* для обозначения аугментативизированного диминутива. Не обязательно все согласные корня были маркированы в смысле символизма этих чередований, что связано с ослабленным чередованием, и тут могли быть различия между диалектами. Слова «диминутив» и «аугментатив» нужно понимать лишь как удобные ярлыки для целого комплекса идей, включающих движение, яркость, остроту, резкость в «диминутивах», интенсивность, высокую температуру, твердость в «аугментативах».

Ни один из современных дене-финских языков не имеет продуктивных фонологических чередований такого типа, но следы есть везде, особенно в вакашских языках. Можно предполагать поэтому, что в период дене-финского единства эта система активно действовала лишь в некоторых диалектах, а в большинстве утратила продуктивность. Главной причиной ее утраты могло быть упрощение системы согласных. Некоторые примеры этих чередований уже приводились выше (в связи с чередованием гласных). Вот еще примеры:

Нутка *qū-ʼas* (< *q.r) 'человек', букв. 'человек в деревне'; *qū-ł* 'раб', букв. 'человек в доме'; кв. *knl-* 'ребенок'. Родственные слова с *q или *qh: чук. и коряк. *qilawil*, дагур. *hū*, монг. *irgen*, эвепк. *ilə*, манс. *-holas*, инук. *aṇut*, юк. *aṇun*, тлинг. *qha*, мтл. *ka-* 'мужчина, человек'; умеренный диминутив *k в тлинг. *kuḥ* 'раб'; аугментативизированный диминутив в кут. *xati* 'сын', нитинат *xāda'k* (< *khāna) 'женщина'. Это слово в языке нитинат должно быть результатом позднего действия чередования, ибо старое *kh дает š, либо результатом влияния салишских языков, где тот же корень означает 'супруг, -а'.

Хайд. *χata* 'человек', *χat* 'отец женщины', *qha* 'дядя'; хайд. *kit* 'сын'. Родственные слова: кет. *ket*, юкагир. *kote* 'мужчина, человек'.

Нен. *hōba*, сельк. *qōpū*⁴¹, алеут. *qačGaq*, *qačGiq*, яп. *kawa*, айн. *kah* 'кора', 'кожа'; юкг. *har* 'кожа'; монг. *halisa*, дагур. *haise*, нап. *horakta*, тюрк. *kabuk*, хлц. *χk^wm*, чук. *itki-* (< *qhik) 'кора'; манс. *ker*, хант. *kär* 'скорлупа'; фин. *kerma* 'кожура'; венг. *kér* 'пленка'; фин. *keri* 'новая береста, выросшая на месте содранной'. И.-е. параллели содержат *q, например в лат. *cor-tex* 'кора'.

Кв. *q^way-k^w*, нутка *k^watyik* 'тяжелый'; кв. *k^wak^waya'a-k^w*, нутка *katyik-ʼis*, фин. *keveä*, саам. *gäppād* 'легкий'. Утрата лабиализации во втором слове языка нутка не соответствует регулярным фонетическим законам, но известна такая же утрата в других

словах. Ср. и.-е. **G^w.r* в санскр. *gurūh*, лат. *gravis*, греч. βαρός 'тяжелый'; **x^w.n* в лат. *onus* 'груз', санскр. *ānaḥ* 'повозка'.

Хайд. *qhāci* 'голова'; с диминутивом остроты — хайд. *qa* 'гарпун'. Возможно, однако, что это исконно различные корни. Ср. также кв. *q̄lt-* 'работать долотом', *q̄as-* 'делать метку', нутка *as-* 'тесать', *a-* 'ранить', кв. *kax^w-* 'брить', *čaH^w-* 'тесать', кв. *ki-*, нутка *čit-* 'резать'.

Нутка *-aq-sut* 'большое отверстие (устье реки, пещера и пр.)', нутка *-ak-sut* 'рот, губа'.

Нутка *qiš-* 'хромать'; нутка *kiš-* 'извиваться'.

Нутка *qat* 'твердый'; нутка *čit-'is* 'мягкий' (*'is* — уменьшительный суффикс).

Нутка *tūt-* 'гремять (о громе)'; нутка *sūt-* 'сверлить', *si'it* 'палочка для добывания огня трением'.

Нутка *ti-* 'бросать', *li-* 'стрелять', *či-* 'проливать, погружать (*spill, dip*)', **čitq-* 'вода бьет струей'. Здесь все варианты с глоттализацией (резкость действия), но с нормальным *t*, аугментативным *λ* (< **č*) или диминутивным *s* в зависимости от силы и характера действия.

Нутка *titma* 'твердый'; нутка *sim-* 'туго натянутый'.

Дагур. *šihe* 'большой', *u-šiken* 'маленький' (поморфемно 'небольшой', и все же в корне средний согласный отличается от согласного исходного слова: **šike* противопоставляется **šiqhe*). Последняя форма основана на **č.q^w*, как в нутка *luk^w-*, кв. *lk^w-*, хант. *šoh*, коми *člk* 'толстый'. Диминутивы — в кут. *caquna*, кор. *ca. . k.*

Дагур. *halōn*, рюкюск. *hac'i-*, алеут. *qini-*, пивх. *qhav* 'горячий'; дагур. *kuiten*, удм. *kez^yit*, эвен. *gelra*, чук. *-qivye-*, кут. *-itko-*, чив. *-k'ad*, мтл. *-k'ac*, навахо *-k'āz*, тлинг. *kusa'at* 'холодный'. Отклоняющийся от общих правил консонантизм находим в хайд. *kina* и инук. *kiat-* 'горячий', в венг. *hideg*, т.юкг. *hatic* 'холодный'. Ср. также лат. *calidus* 'горячий', *gelidus* 'холодный'.

Сев.-кит. *rè* 'горячий', *lèŋ* 'холодный'.

Среди классификаторов предметов по форме в языке хайда находим затемненные следы символизма: *kat-* (мелкие предметы), *xat-* (мелкие предметы), *qa-* (много мелких предметов), *ku* (короткие предметы), *ku-* (широкие предметы), *sqā-* (длинные предметы, например веревки), *sqa-* (длинные предметы, например палки; видимо, родственно нутка *-čiq* 'палки, длинные предметы'), *-skā-* (мелкие цилиндрические предметы), *skha-* (шарики), *tka-* (ветвистые предметы).

Мы не проводили подсчетов, чтобы определить, сколько случаев согласуется, не согласуется или нейтрально в отношении корреляции размеров (и других ассоциируемых с размерами признаков) и ступеней чередований согласных. Но ясно, что во многих случаях употребление согласных согласуется с теорией; в других же случаях есть расхождения, объясняе-

мые просто, — например, в случаях добавления уменьшительного аффикса или отрицания: смысл при этом меняется, а согласные остаются. Наконец, имеются случаи, где есть чередование, но нет очевидной корреляции со смыслом. Эти слова могли возникнуть, когда символическое чередование уже утратило продуктивность либо изменило прежнее значение. В упомянутых выше словах со значением 'перо', 'птица', 'лететь' есть полные и частичные диминутивы: **c'.lk*, **t'.lk*, **t'.ng*. Во многих языках, утративших глоттализацию, формы с **t'* по звучанию совпали с педиминутивами. Единственное противоречие символизму — в кор. *thar* 'перо', 'волос'. Эта форма могла произойти из аугментатива со значением 'крыло', 'перо крыла', ср. нутка *tapH*-(< **λhamqh*-) 'взмахнуть крыльями'. Не исключено, что в древности эти варианты были связаны с корнем, означавшим 'стоять', 'выдаваться вперед', и родственными могут оказаться слова весьма разных значений: нан. *dili*, эвен. *del*, эвенк. *dil*, нутка *tuH*-, сев.-кит. *thou* 'голова'⁴²; инук. *taliq* 'рука (arm)', алеут. *taliq* 'ветка', 'сук'; инук. *tatli-ma-t* 'пять' (число пальцев руки); эвен. *tapña*, чук. *rinni*, юк. *čigū-niq*, яп. *tuno*, павахо *-tē*, чив. *-tē* 'por'; нутка *liH*- 'move pointwise'; сев.-кит. *tāu*⁴³, нен. *teu*, энец. *taebo*, фин. *tavata*, инук. и юк. *tikit* 'достичь, прибыть'; и.-е. **d.ng^{wh}* (например, англ. *tongue*) 'язык', **doq* (гот. *tagls*, англ. *tail*) 'хвост'.

У вакашей существует стилистико-фонетическое явление, которое может быть отражением древних чередований. Наиболее развитое у нутка, оно состоит в изменении некоторых согласных в случаях, когда говорят с людьми очень высокого роста, с очень маленькими, с носителями определенных физических недостатков или говорят об этих людях или о некоторых мифических персонажах. В деталях эти чередования не вполне соответствуют древним, но в принципе они сходны. Э. Сепир писал об этом: «... Важно заметить, что как у нутка, так и квакиютлей есть ощущение взаимозаменяемости сибилантного и латерального рядов» (E. Sapir, *Abnormal types of speech in Nootka*. — «Geological survey of Canada Memoir» 62, 1915, стр. 10). Не известно, представляет ли это явление результат длительной традиции чередования согласных, изменявшегося в деталях, но сохранившего некоторые существенные черты древних чередований. В английском и других языках есть другое чередование, которое может восходить по типу к древности, — это замена *r* на *l* в уменьшительных именах: *Hal*, *Sally*, *Molly* вместо *Henry*, *Sara*, *Mary*.

В древнекитайском языке существовало чередование начального согласного в зависимости от залоговых значений, например **gen* 'видимый'⁴⁴, **ken* 'видеть'⁴⁵ или **duan* 'быть разрезанным', **tuan* 'резать'⁴⁶, **d^hian* 'длинный'⁴⁷, **t^hian* 'удлинить'⁴⁸; существовало и менее регулярное чередование: **ken* 'видеть',

**khan* 'смотреть'⁴⁹. Нечто подобное есть и в нивхском языке: *tʰ-osq-tʰ* 'оно сломало', *zosq-tʰ* 'его сломали'. Охватывая лишь начальный согласный, оно, конечно, может восходить к древним префиксам. Такая гипотеза подтверждается существованием древнекитайских залоговых префиксов *s-*, *h-*, *p-* (каузативных или делающих глаголы переходными). В пользу этой гипотезы говорит и существование залоговых префиксов в тибето-бирманских, чукотско-камчатских языках и в языках кадене. Материально связаны с китайскими префиксами, возможно, чук. каузативное *tʰ-*, транзитивизирующее *-l-* в языках кадене, так что кит. **gen* и **ken* могут восходить к **ken* и **tken*.

Следы древнего префикса **n-* в языках, не имеющих живых префиксов, обнаруживаются в назальном начальном согласном урал-алтайских и чукотско-камчатских корней, нормально начинающихся на **q-*, **h-* и **y-*. Мы предполагаем префикс, а не начальное сочетание согласных корня, ибо в языках, имеющих начальное *ɲ*, этот звук проводится непоследовательно (см. ниже примеры). Этот префикс, по крайней мере в части случаев, возможно, идентичен адъективному префиксу кадене и чукотско-камчатских языков. Хотя большинство примеров — существительные, они могут восходить к прилагательным, слово со значением 'голова' могло прежде означать 'похожий на голову', 'торчащий' или 'высокий'. Кроме того, могло быть несколько разных префиксов *n-*.

Нен. *ɲlwa*⁵⁰, кв. *xu-ms*, алеут. *kamgiq*, дагур. *heki*, кет. *kīyga*, нутка и нитиват. *-qī*, нитиват. *qātqāt* 'голова'; чук. *pegne*, коряк. *ɲuɲuɲ*, алеут. *qayqq*, нен. *hou*, дагур. *aule*, монг. *ūla*⁵¹, нан. *huren*, хлц. *qūqʷs*, венг. *hegy*, эвенк. *kamñiga*, *ure*, эвен. *kalrarki*, мар. *kurik*, манс. *ur*⁵², удм. *gurezʷ*, юк. *qamiq*, инук. *qaqqaq* 'гора'. Очевидно, здесь несколько разных корней или несколько вариантов корня, содержащих *(*n*)*q.w*, *(*n*)*q.m*, *(*n*)*q.y*. Ср. в индоевропейских языках лат. *caput*, нем. *Haupt*, англ. *head*, русск. *голова* и русск. *гора*, санскр. *giri* 'гора'.

Нен. *ɲuda*⁵³, эвенк. *ɲāle*, эвен. *ɲal*⁵⁴, мар. *kit*, манс. *kat*, удм. *ki*, фин. *käsi*, венг. *kéz*, дагур. *gari*, ительм. *hkheč*, нутка *kukʷinks*, возможно (в качестве элемента словосложения), в чук. *mīn-gī-* 'рука, hand'. Видимо, из *(*n*)*k.t* и *(*n*)*k.r*. Возможно, связано с и.-е. **k.mt*, англ. *hand* 'рука'; и.-е. **de-km̥* ('две руки') в лат. *decem*, гот. *taihun*, англ. *ten* 'десять'⁵⁵.

Нен. *ɲāya*⁵⁶, *hoba*, удм. *ku*, мар. *kowāšte*, эвенк. *kēkikta*, юкагир. *har*, алеут. *qačGiq*, чук. *gīlgīn*, юк. и инук. *amiq* 'кожа'. Формы частично сходны с корнями в значении 'голова', что может быть связано и с семантическим смешением: в обоих понятиях есть идея 'сверху', хотя и в разных смыслах.

Нен. *ɲarka* 'большой', *ɲarhanda* 'все', *ɲoka* 'много'⁵⁷; кет. *qe*, мар. *kugo*, ительм. *xi-*, эвенк. *həgdi* 'большой'; эвенк. *katə*, эвен. *houa*, кв. *qī* 'много'. Видимо, из *(*n*)*q.n* с разными согласными

альтернантами аугментативного направления, иногда с удвоением. Конечный корневой согласный иногда чередуется с *t* и *y*.

Чук. *new-*, коряк. *ḡawan*, ительм. *ḡim-č̄x̄in*, кет. *qim* 'женщина'.

Нен. *ḡarpa-*, эвен. *kol-*, ительм. *ḡel-* 'пить'.

Нен. *ḡabt*, фин. *hapsi*, манс. *āt*, мар. *ḡp*, венг. *haj*⁵⁸, нутка *harsyi*, кв. *hap-* 'волосы'. Из **(n)h.pt* или скорее из **(n)h.-p.t*, ибо *ha-* может быть экспликацией.

Манс. *ḡēl*, венг. *nyelv*, нен. *nəḡm̄i*, мар. *ḡalmā*⁵⁹, эвенк. *č̄ōl'ī*, ительм. *ilč̄il*, чук. *yilyil* 'язык' (tongue).

Эвен. *ḡurit*, эвенк. *ḡuriktə*, удм. *ȳirs'̄i*, мар. *č̄er'* 'волосы'; юкагир. *yo*, удм. *ȳir* 'голова'; навахо *ḡá*, чпв. *ḡà* 'небо'; мтл. *ḡa-*, др.-тибет. *ḡa* 'вверх'.

Чук. *ḡireq*, коряк. *ḡiye*, ительм. *kasx*, т. юкг. *kin*, дагур. *hoire*, монг. *qoyar*, фин. *kaksi*, венг. *kett ő*, мар. *kokt-*, манс. *kit* 'два'⁶⁰.

ФОНОЛОГИЯ

Фонемы, реконструируемые для периода дене-финского единства, перечислены выше. Коротко рассмотрим изменения, которым подверглись фонемы в отдельных группах языков. В целях краткости перечислим лишь наиболее существенные моменты в развитии звуков, особенно в начальной позиции.

Несколько слов об акцентологии. Тот факт, что обычно лучше всего сохраняются начальные элементы корня, а аффиксы и конечные части корня стираются больше, заставляет думать о древнем ударе на первом слоге корня. В сложных словах главное ударение должно было падать на первый компонент. Противоположная картина в языках ка-дене имеет диалектное или позднее происхождение.

Недавнего происхождения и фонологическое разноместное ударение в японском языке, где ударение может падать на первый или второй слог корня, на аффикс или постпозиционное служебное слово. Тоновые противопоставления в слоге обнаруживают языки ка-дене, хайда, китайский и тибето-бирманские, сократившие корень до одного слога. Возможно, что фонологическое ударение в японском и тоны в других языках развились из общей акцентной системы, может быть, из восходящего и падающего ударения на определенном слоге корня. Как известно, в китайском языке тоны в значительной степени отражают старое различие согласных перед гласным и после него.

Лабиевелярные согласные утрачены почти во всех группах дене-финских языков. В вакашских они сохраняются. В китайском они преобразованы в согласный + *i* и, таким образом, слились с исконной группой **ki* и **hi*. Положение в хайда неясно: хотя там есть лабиевелярные, пока не найдены морфемы, в которых они соответствовали бы древним лабиевелярным, и

поэтому можно думать об их вторичном происхождении. В некоторых диалектах ка-дене есть противопоставление огубленных и неогубленных велярных, но оно, по-видимому, позднее. Развитие древних лабиовелярных в ка-дене представляется в следующем виде. Перед *a* лабиализация утрачивалась. После лабиовелярного *i* и *e* переходили в *o*, совпав с рефлексом древних *u* и *o*. Исконные велярные перед *o* были огубленными. Таким образом, огубленность перестала быть фонологической, так как встречалась только перед одним гласным, перед которым неогубленный не встречался. В некоторых диалектах возникло